

Издание: [Federal News Service - Kremlin Package](#)

Источник: [Federal News Service](#)

Дата: 21 января 2005

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ГРУППЫ СОЦИОЛОГОВ О ПРОБЛЕМАХ МОНЕТИЗАЦИИ

ВЕДУЩИЙ: Добрый день, уважаемые журналисты и гости Пресс-центра Агентства "Интерфакс". Позвольте мне начать конференцию, посвященную проблемам монетизации. В сегодняшней пресс-конференции участвуют представители членов Ассоциации независимых центров экономического анализа. К сожалению, как всегда, погода вмешалась в регламент нашего предприятия, и некоторые не успели подъехать, в частности, **Гурвич** Евсей Томович. Надеемся, что он появится чуть позже и обязательно примет участие.

Позвольте представить Курляндскую Галину Витальевну, генерального директора Центра фискальной политики; Малеву Татьяну Михайловну, директора Независимого института социальной политики; Овчарову Лилию Николаевну, директора научных программ Независимого института социальной политики, и Денисову Елену Анатольевну, ведущего эксперта Центра экономических и финансовых исследований и разработок.

Мы нашим гостям предоставим возможность для выступлений, после чего вы сможете задать свои вопросы. Галина Витальевна, пожалуйста, начинайте.

КУРЛЯНДСКАЯ: Ну, я хотела бы начать с того, что, собственно, закон, который получил название закона о монетизации льгот, на самом деле таковым не является. Этот закон, прежде всего, посвящен разграничению расходных полномочий между уровнями власти и сокращению целого ряда обязательств государства, которые факт по факту не исполнялись на протяжении уже большого отрезка времени и являлись, с точки зрения бюджета, невыполнимыми. Поскольку, по оценкам, которые были проведены в процессе разработки концепции этого закона, весь объем социальных обязательств государства, заложенный в федеральном законе, где-то примерно в 2 раза превышал общие возможности всех трех уровней бюджета нашей страны. Значит, закон был направлен именно на это.

В результате, неизбежно в нем были отменены на федеральном уровне некие гарантии социальные населению, которые Федерация доселе брала на себя. Были четко очерчены те обязательства, в том числе социального порядка, которые Федерация оставляла за собой. И были перечислены те направления социальной политики, которые отныне должны были стать ответственностью субъектов Федерации.

А раздел о монетизации появился в результате того, что когда Федерация поняла, т.е. приняла на себя предоставление целого ряда социальной помощи населению, который доселе предоставлялся в виде натуральных льгот. А что такое натуральные льготы? Это субсидии предприятиям. Каким предприятиям? Местным, региональным, унитарным предприятиям транспорта, ЖКХ и т.д. Как происходили эти взаимоотношения по предоставлению этих субсидий? Как правило, такие предприятия выставяли общий счет по своим убыткам бюджету, и бюджет это покрывал. Когда-то это делалось, у кого-то это делалось более- менее легально, -- ну, то, что непрозрачно, это однозначно -- а где-то это было таким инструментом отката. И проследить эти потоки и понять, какова на самом деле себестоимость услуги, производимой такими предприятиями, вообще говоря, невозможно было, и этим никто не занимался.

Федерация решила, что она не будет иметь дела с каждым отдельным таким предприятием на местном уровне. Поэтому, естественно, с точки зрения бюджетной политики, с точки

зрения повышения эффективности бюджетных расходов и повышения прозрачности бюджетных расходов переход на монетизацию натуральных льгот -- это очень хорошее решение.

Что касается регионов, то ни одному из них вообще-то этот закон не содержит даже рекомендаций по переводу натуральных льгот в денежный формат. В законе этого нет. Единственное, что сказано в законе, это то, что регионы обязаны предоставлять социальную помощь в денежной форме в том же объеме, в каком они это делали в 2004 году, и предоставлять объем социальных льгот, которые были, т.е. выделять финансирование на социальные льготы, которые предоставлялись в натуральной форме, тоже на уровне не меньшем, чем в 2004 году.

Тем не менее, уже потом решением правительства было выпущено что-то типа постановления, которое достаточно так навязчиво рекомендовало регионам все-таки монетизировать эти льготы, потому что это вот, как я сказала, приводит к большей прозрачности бюджета.

Кроме того, в раздел о финансовой помощи федерального бюджета были заложены средства из фонда софинансирования на софинансирование расходов регионов, тех регионов, которые будут монетизировать льготы. Что в результате получилось?

Первое. Из этого вышло. Первое -- тот объем, значит, надо разделить совершенно четко политику федеральных властей, федерального бюджета и региональных. Федерация сразу в законах соответствующих заложила объемы, размеры вот таких денежных выплат. Велики они или малы, ну, мы сейчас это вот можем посмотреть, это должно было быть просчитано.

В общем, расчеты начались в мае, были достаточно, в общем-то, спешными, скороспелыми. Вы знаете, что эти размеры менялись. Но второе, что произошло -- это то, что регионы, бедные регионы в целях получения федеральных дополнительных денег любой ценой решили переходить также на монетизацию льгот.

Кроме того, заявление Путина и принятие в конечном итоге закона о назначении губернаторов привело к тому, что губернаторы перестали вести популистскую политику, а льготы натуральные, это, безусловно, очень популярная мера, и мы это видим.

Они стали ориентироваться на центр. И желая как бы выслужиться перед центром, всеми возможными силами старались следовать политике, так сказать, партии и правительства и шли, пошли на монетизацию льгот.

В результате те регионы, которые монетизировали льготы, что у них произошло? В соответствии, вот я сказала, со 122-ым законом, они должны были потратить на соответствующие льготы, даже если они их монетизировали, тот же объем средств, который они доселе тратили на натуральный.

Тот объем средств, который тратился на натуральные льготы, распространялся, предоставлялись эти льготы ограниченному количеству лиц, которые, в соответствии с законодательством, имели право на получение таких льгот. Это уже очевидно. Люди, которые пользовались услугами ЖКХ, те и получали льготы на ЖКХ по транспорту, по связи и так далее. В основном это городские жители. Их число, таких льготников, конечно, меньше.

Значит, для того, чтобы обеспечить, вот два пути было. Взять эту общую сумму финансирования и разделить уже на общее количество льготников, в том числе и проживающих в сельской местности. Мы получили очень маленькую сумму на одного

льготника. Собственно, такие цифры и были заложены и оценены Минфином, и рекомендованы -- это 200-300 рублей на одного льготника.

Второй вариант. Для того, чтобы действительно этих денежных выплат хватило на покупку тех же социальных благ у предприятий, которые предоставляют их, надо было существенно повысить для одного льготника, проживающего, вроде как в городской местности. Но, соответственно, они не могли выпускать такой закон, который давал бы сельским меньше, а городским больше.

Значит, для того, чтобы всем монетизировать, пришлось бы и приходится тратить из бюджета где-то порядка в 2-2,5 раза больше денег, чем тратили они на натуральные льготы до сих пор. Это совершенно вот объективный такой бюджетный экономический факт.

Безусловно, все это можно было, все эти механизмы регионы должны были разработать в очень короткий срок. Они не успели их разработать, федерация не успела разработать. Потому что то же самое можно было, допустим, провести, используя что-то подобное страховым схемам. Но для этого нужны расчеты, сложные расчеты, актуарные расчеты.

У нас до сих пор нет данных по количеству вообще льготников. Соответственно, эти расчеты произведены не были. В результате была, регионы ориентировались на центр. Четыре региона полностью перевели, включая и ЖКХ, свои льготы в денежную форму, свои региональные льготы для региональных категорий. А другие регионы, и таких 16, они вообще вот на настоящий момент не монетизировали никакие льготы по своим категориям.

ВОПРОС: Простите, пожалуйста, вы не могли бы назвать?

КУРЛЯНДСКАЯ: Могу. Ну, по данным Минфина я могу вам сказать. Значит, монетизировали полностью Тверская, Вологодская...

МАЛЕВА: Татарстан.

КУРЛЯНДСКАЯ: Татарстан и, как ни странно, Тыва. А не монетизировали, я могу, ну, вот их 16, тут много. Ну, например, Смоленская область, Новгородская, Дагестан, Северная Осетия, Ульяновская, Свердловская. Тюменская -- вроде она, правда, в середине года собирается монетизировать. Ханты-Мансийский, Челябинская, Хакасия, Красноярский край, Эвенкийский, Хабаровский край, Амурская область, Чукотка. И кого-то: Ну, Москва, да, естественно, да. Да, Москва, конечно.

ВЕДУЩИЙ: Галина Витальевна, вынужден напомнить о регламенте.

КУРЛЯНДСКАЯ: Ну, вот я, собственно, да, сказала все, что хотела.

ВЕДУЩИЙ: Позвольте представить опоздавшего Гурвича Евсея Томовича, научный руководитель экономической экспертной группы. Евсей Томович, предоставляю вам слово.

ГУРВИЧ: Я согласен с Галиной Михайловной в том, что в принципе считаю, что сама по себе реформа экономически вполне обоснована. И здесь, я думаю, что ее восприятие общественное не совсем точно отражает суть дела. То есть здесь не было желания выиграть что-то для бюджета за счет населения, поскольку достаточно большие выплаты взял на себя федеральный бюджет.

Здесь нельзя сказать, что произошла какая-то вопиющая несправедливость, поскольку совершенно не очевидно, что ситуация, когда часть людей пользуется льготами, а часть не

пользуется, более справедлива, чем нынешняя ситуация, когда, может быть, кто-то проиграл, но большая часть населения выиграла от этой монетизации.

И в принципе, с экономической точки зрения не такая уж большая цена того, чтобы разрешить сейчас тот кризис, который возник, и повысить выплаты так, чтобы общественное мнение успокоилось, чтобы люди не чувствовали себя ущемленными. Мне кажется, что нужно, с одной стороны, определить какие меры нужны для того, чтобы эту ситуацию разрешить, а с другой стороны, нужно смотреть вперед и думать, какие уроки должны быть сделаны из этого опыта.

Первый урок, на мой взгляд, состоит, первая ошибка состоит в том, что эта проблема, мне кажется, решалась как технологическая проблема, использовался технократический подход. И такой подход работает, когда речь идет о макроэкономике, о каких-то структурных, реформе естественных монополий, о налоговой реформе. Но он, это было понятно, но сейчас это просто стало видно совсем наглядно, не применим, когда речь идет о социальной сфере. То есть недостаточно была проработана реформа с точки зрения возможной реакции людей, недостаточно было сделано для того, чтобы смягчить эту реакцию. Это потребовало бы времени, и с точки зрения экономической, конечно, правильно было ее провести быстро, поскольку она тесно связана с реформой межбюджетных отношений, которая сейчас начала очередной этап.

Но в то же время потери от быстрого ее проведения, на самом деле, как оказывается, превысили те преимущества, которые были от этой скорости. Потери связаны и с тем, что в результате выплатить придется больше, чем можно было бы выплатить при осторожном, аккуратном проведении реформ, даже если бы было предложено каждому льготнику выбрать, что он хочет -- монетизировать ему льготы или оставить все как есть. Это было бы технически достаточно сложно, но с точки зрения бюджета, это обошлось бы гораздо меньше.

Эти дополнительные выплаты частично повлияют на инфляцию, которая и так высока. Это уменьшит реальные доходы тех же пенсионеров и других незащищенных групп населения, т.е. частично пострадают сами же эти льготники.

Другой урок, который нужно извлечь -- это то, что загодя смотреть вперед, какие у нас будут следующие проблемы, которые отчасти вытекают из этого. И следующая, очень серьезная проблема -- это наша пенсионная система. Она, с одной стороны, была подорвана тем, что был снижен ЕСН, но не было предложено фактически способа, чем компенсировать выпадающие доходы. То есть на 2005 год дыру заткнули за счет средств стабилизационного фонда.

В то же время понятно, что такая практика ненормальна, и что средства Стабилизационного фонда -- это временный источник финансирования. И, понимая это, Министерство финансов уже предложило, правительство в целом утвердило решение использовать средства Стабилизационного фонда -- свыше 500 миллиардов -- только на погашение внешнего долга, и чем тогда закрывать дыру -- совершенно непонятно.

А сейчас после решения об увеличении индексации базовой пенсии дыра еще больше увеличивается. Да, одновременно было изменено решение о том, какие группы населения участвуют в накопительной компоненте пенсионной системы. То есть фактически всю пенсионную систему нужно отстраивать заново, и это нужно делать не откладывая, а прямо вот сегодня начинать обсуждать, какие существуют варианты, какие подходы, и вот это должно быть не деланно, не кулуарно и келейно, а достаточно должно широко обсуждаться.

Ну, а возвращаясь к экономическим последствиям, я думаю, что все-таки для инфляции последствия будут не катастрофические. У бюджета есть возможность провести те выплаты, которые уже частично обещаны, приняты решения по дополнительному финансированию. В бюджете был предусмотрен резерв -- 38 миллиардов рублей, в частности, на возможное непредвиденное развитие ситуации с монетизацией льгот.

Есть, будут дополнительные доходы бюджета, поскольку, как известно, в бюджет заложена цена 28 долларов за баррель, цена нефти. Фактически сейчас уже правительство ожидает 31, а фактически я думаю, что, скорее всего, будет 34, примерно как в 2004 году. Не все из этих дополнительных денег идут в Стабилизационный фонд, но большая часть, но не все, часть все-таки дополнительных доходов получает и правительство. Поэтому у бюджета таких принципиальных проблем не будет.

Будут, я говорю, проблемы с увеличением инфляции, но они будут, ну, тоже не катастрофическими. Увеличится, по-видимому, инфляция на несколько десятых процента, то есть 0,3, ну, не больше 0,5 процента по итогам года. Хотя, конечно, это создаст, ухудшит ситуацию, с которой мы войдем в инфляционный статус, и ожидания, с которыми мы войдем в следующий год.

ВЕДУЩИЙ: Прошу прощения, но вынужден вас: Вы заканчиваете уже? Тогда все. Татьяна Михайловна, пожалуйста.

МАЛЕВА: Спасибо. Уважаемые коллеги, сегодня в свете того социального и политического напряжения, которое вызвало начало реализации Закона 122 о монетизации льгот, общественная дискуссия в основном окружена, окружает вопрос: так в чем причина -- в самом законе или в механизмах ее исполнения? На мой взгляд, это не вполне корректно, неполная постановка вопроса, поскольку даже в отношении самого закона мы должны развести два вопроса.

Первое -- вопрос концепции и стратегических целей, которые преследовал закон. И второе -- непосредственные нормы и механизмы, заложенные в законе. И здесь я не могу не сказать о следующем. Если сама концепция, стратегическая направленность закона, направленная на реформирование социальной сферы, которая в том виде, в котором она сложилась, в том виде, в котором она являлась преемницей предыдущей, складывающейся десятилетиями системы социальной парадигмы вообще, которая строилась на льготах, которые адресовались уже массовым группам населения -- и сегодня об этом, наверное, еще будет идти речь, -- что когда система громоздкая, мало управляемая, более того, мало прозрачная система льгот покрывала половину населения страны, эта система не могла служить надежной базой для дальнейшего экономического роста. И если мы признаем, что качество экономического роста нас не удовлетворяет, мы должны были бы признать, что социальная сфера, ее основы, которые сложились на сегодняшний момент, являются тем фактором, который тормозит и ухудшает качество экономического роста.

Поэтому концептуально идея, заложенная в законе -- попытка реформировать эту громоздкую, неуправляемую и не дающую нам серьезных перспектив социальную систему, -- эта концепция закона, на мой взгляд, в экспертном сообществе находит поддержку и является абсолютно обоснованной.

Но в том же самом законе заложены некоторые механизмы по реализации этой идеи, которые не случайно потом привели к сбою. Это системные ошибки, системные противоречия, которые с самого начала закладывались на уровне разработки закона, и не должно вызывать удивления, что они проявились с такой скоростью.

Что я имею в виду? И об этом уже сегодня шла речь. Закон по сути дела, в законе отсутствуют механизмы реализации монетизации льгот на региональном уровне. На фоне того, что абсолютно большая часть экономической ответственности по финансированию этого мероприятия была переложена на региональный уровень, закон все-таки не объяснил, как этот механизм должен быть реализован. Это усугубляется, причем вдвойне, втройне усугубляется в свете того аргумента, что к реализации закона мы подошли в ситуации острейшей, сильнейшей региональной экономической и социальной дифференциации.

Образно говоря, у нас вообще финансовые ресурсы, направленные на реализацию социальных программ, сконцентрированы не там, где сконцентрированы человеческие ресурсы. Закон не мог не привести к тому, что этот фактор региональной дифференциации будет проявляться и будет являться сильнейшим раздражителем и социально-политическим, но именно потому, что не было с самого начала предложено экономических механизмов для смягчения этих противоречий.

Далее, противоречивы нормы, которые сейчас комментируют и которые являются основным средством манипуляции выхода из этого положения -- это возможность отказа от монетизации на уровне регионов. С одной стороны, сейчас эта норма позволяет выйти из социального напряжения, и мы видим, что очень много регионов отказываются от монетизации -- оставляют социальный пакет в натуральном выражении. С другой стороны, резонно возникает вопрос. А стоила игра свеч, если четыре региона в Российской Федерации из 89 реализовали этот закон? Особенно учитывая, что мы заплатили уже очень высокую социальную, политическую и экономическую цену. Тем самым, сильное место закона, которое позволяло, казалось бы, манипулировать, на мой взгляд, является слабым местом закона, или, по меньшей мере, я бы считала легкомысленным поведение правительства в той части, что закон должен был бы быть только одним элементом из широкой программы.

Вот хорошо. Если сегодня этот статус-кво и законсервируется. Мы будем считать, что четыре региона провели монетизацию, 16 -- наполовину, и там возможны технологии отката, остается -- остальная Россия. Остается проблема нефинансируемых мандатов, остается проблема сохранения миллионов льготников, остается проблема неординарного доступа населения к получению этих льгот, остается проблема невзаимоувязки социальных потребностей и социальных ресурсов. И в результате, это цену, которую мы заплатим за реализацию этого закона, я бы для себя считала абсолютно неоправданной.

Следующее системное противоречие, которое даст о себе знать не сегодня, а завтра и в долгосрочной перспективе. По сути дела, мы должны признать, что мы сейчас реагируем только на краткосрочные острые проявления, и пока реальной экспертизы, ни общество, ни политики, ни экономисты реальной экспертизы еще не предложили.

Но, на мой взгляд, мы сейчас должны об этом говорить. Что Закон о монетизации льгот не касается только монетизации льгот, он затрагивает такую серьезную экономическую проблему, такой серьезный экономический фактор, как регулирование оплаты труда в бюджетном секторе экономики. И пока просто не принято никаких решений по этому поводу, поэтому -- тишина. Но в принципе там заложено серьезное экономическое противоречие, которое говорит о том, что государство отказывается от идеи реформы самого бюджетного сектора, передает это на уровень регионов, и я не могу исключить, что мы получим 89 моделей регулирования бюджетного сектора экономики и заработной платы в этих регионах. Это системные ошибки, которые не могли не проявиться или проявятся в ближайшее время.

Кроме этого, действительно при реализации закона были допущены некоторые просчеты, которых теоретически можно было бы избежать. Действительно тот факт, что закон не прошел социальную экспертизу, во-первых, у этого есть причина. Причина в том, что сегодня нет прозрачной и сколько-нибудь ясной, понятной информационной базы о численности реальных грантополучателей. В том числе не секрет, что льготы бывают двойные, тройные, четверные и так далее. Вот сегодня экспертиза затруднена по-прежнему, потому что прозрачной и сколько-нибудь внятной системы, информационной системы, которая бы давала четкие ответы на эти вопросы, нет. И глубоко не случайно, что правительство теряло пять миллионов, потом их находило. Это не фальсификация, это не попытка манипулировать цифрами бюджета. Это, действительно, реальные просчеты, поскольку надежных инструментов для контроля за этим вопросом у системы, которая строилась в течение 70-ти лет, до сих пор нет.

Далее. Социальной и экономической экспертизе не был подвергнут тот факт, что мы должны понимать, что у разных льгот есть разный социальный вес. И тот факт, что первой, так сказать, взорвалась транспортная сфера, это совершенно легко был прогнозируемый факт, потому что лишение, потеря транспортной льготы вот она очевидна.

Вот еще не очевидно, как потеряют или приобретут бюджетники, а вот когда в один прекрасный или не прекрасный день большие по численности группы людей не смогли воспользоваться транспортным бесплатным проездом, это было очевидно.

Поэтому социальный вес, социальный вес у разных льгот разный. Точно так же социальный вес у разных категорий разный, потому что сейчас мы имеем острый кризис в крупных городах. Крупный город имеет социальный вес иной, чем малый город и сельская местность.

Также была недоучтена межрегиональная диспропорция, поскольку экономическое... Есть единое экономическое пространство -- Москва и Московская область. И не предвидеть этой ситуации, это было просто наивно.

И, наконец, фактор, который еще даст о себе знать. Реальная ошибка была заключена в том, что правительство не смогло развести во времени, оно случайно или по недогаду синхронизировало введение закона № 122 с повышением тарифов на жилищно-коммунальные услуги и на транспортные перевозки.

И все эти ошибки... Я заканчиваю. Самая высокая цена, которую мы можем заплатить за эти ошибки, заключается в том, что может оказаться дискредитированной идея. Идея и нежелание вновь возвращаться к этому вопросу при жизни нынешнего поколения.

Вот в этом смысле цена ошибок, которые заложены в Закон 122, выше, чем законы, которые не касаются массовых по численности групп населения, а касаются макроэкономических параметров, макроэкономических факторов, и когда эту цену люди не чувствуют на своем индивидуальном уровне.

Спасибо.

ВЕДУЩИЙ: Предоставляю пять минут для выступления Овчаровой Лилии Николаевне, директору научных программ Независимого института социальной политики.

ОВЧАРОВА: Да. Ну, я коротко хотела ознакомить сегодня журналистское сообщество, собственно, с экспертной оценкой понимания того, почему определенные слои населения выразили общественный протест. Мы сделали такую экспертизу у себя в Независимом институте социальной политики той модели монетизации льгот, которая была

предложена. Есть такая база данных, которая включает 44 тыс. домашних хозяйств и позволяет делать расчеты репрезентативные на общероссийском уровне и в разрезе типов поселения. Но проблема уже, конечно, с репрезентативностью для каждого отдельного региона.

Ситуация выглядит так. Если ее моделировать по состоянию на 1 января 2005 года, то примерно 80 процентов домашних хозяйств или населения в результате монетизации льгот не меняют своего положения -- т.е. оно как было у них, так и остается. Порядка 9 процентов населения ухудшают свое положение. И порядка 11 процентов населения улучшают свое положение.

Поэтому вот, собственно, база пострадавших людей -- это примерно 10 процентов всего российского населения, которое, безусловно, гораздо социальная база больше, чем то количество людей, которое приняло участие в реальном выражении протеста. И, на самом деле, вот такие массовые, как мы говорим, массовые выступления -- это свидетельствует как раз таки об определенной социальной пассивности, поскольку пострадавших людей гораздо больше.

То есть вот эта система дала перераспределение ресурсов между самими льготниками. И надо сказать, что наиболее как бы вот проблемным стал вопрос формирования социального пакета. Надо было бы вообще его не объявлять в контексте монетизации, поскольку сначала были объявлены выплачиваемые суммы, ну, допустим, для инвалида Великой Отечественной войны -- 2000 рублей, а потом из этой суммы вычли вот этот социальный пакет, а потом еще льготнику объяснили, что эта сумма, ее вычли у тебя потому, что ты должен профинансировать санаторно-курортное лечение таких же льготников, как ты.

А как реализуется распределение санаторно-курортного лечения, мы знаем, что этой льготой пользуется только меньше одного процента всех льготников. Другими словами, 100 льготников финансируют санаторно-курортное лечение одного. И один вопрос, когда это делает, скажем так, бюджет того или иного уровня. И другой вопрос, когда это уже скрепили собственно с твоей компенсационной выплатой, а потом у тебя ее забрали и передали другому. Поэтому население достаточно быстро вот этот механизм поняло.

Что касается вот поселенческих разрезом, то коллеги уже говорили, но я здесь еще раз хотела бы уточнить этот вопрос, что действительно выиграли в большей степени сельские жители, и очень сильно проиграли жители крупных городов-миллионников.

Вот если смотреть опять же по состоянию на 2005, на 1 января 2005 года, то одиноко проживающие пенсионеры в крупных городах по старой системе за вычетом социального пакета получали примерно 800 рублей в расчете на человека.

Теперь если мы посмотрим по вот тому, как существует нынешняя система, то в принципе все инвалиды, ну, я буду по старой еще системе говорить, второй и третьей группы, они проиграли, поскольку их компенсационные выплаты оказались существенно ниже той суммы, которую они получали раньше.

И вот, безусловно, эти процессы на самом деле были моделируемы. И вот даже в нашем Независимом институте социальной политики мы готовили такие записки и направляли их в различные органы власти. Но, видимо, вот такая информация осталась не услышанной, а можно было бы, в общем-то, предусмотреть тот же самый льготный транспортный билет, о котором речь идет сейчас, можно было предусмотреть его еще где-нибудь в октябре-сентябре и подготовиться к его выпуску.

Причем, вот как уже говорил Евсей **Гурвич**, в общем-то издержки были бы тогда гораздо меньше, поскольку, если мы посмотрим -- я заканчиваю уже, -- то примерно 70 процентов всех, кто пользуется транспортной льготой, ездят не больше 10 раз в месяц. А вот порядка 10 процентов ездят более 30-ти раз в месяц. То есть там есть очень большое неравенство в пользовании, в потреблении льгот. И вот то, о чем говорила г-жа Курляндская, уравнивание всех единой компенсационной выплатой, оно разделило всех участников льгот на выигравших и проигравших, и проигравшие заявили свой общественный протест.

ВЕДУЩИЙ: Спасибо. И последнее выступление Денисовой Ирины Анатольевны, ведущего экономиста Центра экономических и финансовых исследований и разработок.

ДЕНИСОВА: Спасибо большое. Я бы, как бы присоединившись к общему тону выступлений моих коллег -- и в этом смысле, по крайней мере, среди экспертов независимых центров вряд ли есть разногласия во взгляде на концепцию закона, -- хочу отметить тоже несколько моментов. Один из моментов состоит в том, что действительно этот технократический подход в сочетании с неким легкомыслием привел к тому, что, на мой взгляд, одна из проблем состоит в том, что настолько поспешили с реализацией этого закона, с подготовкой реализации, не продумав определенные механизмы, поскольку, наверное, действительно недоучли, что работают с достаточно сложной категорией льготников, и несмотря на то, что процент вот, по оценкам Лилии Николаевны, процент тех, кто потерял в связи с этими льготами, не такой большой, но они есть. И более того -- остальная часть населения не верит, что они не потеряли. То есть можно говорить, что мы будем выплачивать вам достаточную сумму -- и вы ее получите. Но есть недоверие к тому, что ее будут регулярно выплачивать, то, что она не заморозится и не будет следовать инфляции. И в любом случае это сказалось на том, что люди выразили свой протест.

Кроме того, действительно льготники -- это сложная категория населения, с которой необходимо много, длительно и подробно работать, потому что есть еще некая моральная сторона вопроса. И вот в каких-то частных беседах и обсуждениях, когда пожилые люди, казалось бы, вот молодые люди выбрали бы одну схему, а пожилые люди говорят: нет, а вот нам вот предыдущую схему. По разным каким-то причинам. Это в любом случае было недоучтено.

Кроме того, и как бы ну вот та возможность выбирать между разными схемами -- сохранения натуральной схемы или монетизацией -- это вот была попытка, по крайней мере, убедить часть людей, что вы не проиграете, хотя действительно технически это не так просто было бы сделать, многое зависит от того, как это реализуется.

Другой момент связан с тем, что, действительно, вот это недоопределение -- с одной стороны, попытка разделить обязанности между федеральным и региональным центром, с другой стороны, федеральный центр не слишком, может быть, недостаточно озаботился тем, как регионы собираются это делать, есть ли у них на это средства и все ли они продумали, действительно сказался на том, что именно применительно к региональной льготе, к транспорту, начались протесты.

Часть вещей действительно можно было предусмотреть. Скажем, вот первое выступление в Химках. Ну что, до этого не было известно? До этого был какой-то период, несколько лет назад, когда взаимно эти транспортные льготы, москвичи -- с них требовали оплату в пригороде, у тех, кто живет в Московской области -- в Москве. Эта схема была известна, и до этого решение была найдено. Почему потребовалось выступление для того, чтобы опять заключить этот договор? Ну что, этого не ожидали? Ну, это как-то странно.

Это не во всех регионах. Но даже вот в тех регионах, в которых это можно было посмотреть. Как это можно объяснить? Ну да, некое такое легкомыслие, которое -- не ожидали, что люди так быстро выйдут. Тем более, каникулы. Может быть, к лету ожидали это. И думали, что утрясут.

Другой момент связан с тем, что введение этого закона поспешно еще в том смысле, что накопившаяся проблема в учете, про что уже говорили, мы не знаем, сколько у нас льготников. Мы не знаем. Вот федеральный центр прикинул, сколько тратят на федеральные льготы. Хотя там тоже сложно оценить стоимость предоставляемых медицинских услуг.

А регионы тем более не знают, сколько стоит их транспорт, потому что транспорт, ну, как бы есть издержки транспортные. Ну, например, сколько стоит одна поездка в городе Москве на автобусе, никто не скажет, потому что мы даже не знаем, сколько людей ездят на автобусе, потому что предъявить проездной документ, это не означает зафиксировать, что это поездка, да. Мы про это ничего не знаем.

И как бы одна из сторон, и положительных сторон, попытки монетизировать эти услуги состоит в том, что это был бы некий проверочный механизм для тех, кто предоставляет эти услуги. Они могут утверждать, что их издержки настолько огромны и действительно все это необходимо, и мы... бюджеты должны будут это субсидировать и погашать. Но до тех пор, пока мы не будем знать, сколько действительно они предоставляют услуг, ничего хорошего в этой области не будет.

Ну, по крайней мере, нужно регистрировать вот в метро. Я так понимаю, вот эта социальная карта москвича -- в любом случае зафиксировано, что человек прошел. Что не то, что вот в Москве столько-то пенсионеров и в среднем они ездят столько-то -- это как бы некоторые предположения, которые нужно проверить. Есть способы это проверить.

То есть были объективные сложности в этой области. И, с одной стороны, то, что движение в эту сторону начато, по крайней мере, благодаря усилиям федерального центра мы, наверное, больше знаем про то, сколько у нас льготников разных категорий, а регионам, по крайней мере, предстоит узнать и, наверное, посчитать все это.

Но на самом деле, что вот меня насторожило в данном случае -- это то, что вот эта спешка, она, наряду, глядя на другие направления деятельности правительства, она в некотором смысле симптоматична, поскольку, к сожалению, вот некий краткосрочный взгляд на, некий краткосрочный взгляд, он превалирует над долгосрочной идеей. То есть идея состоит в том, чтобы сделать как можно быстрее, потому что у нас там выбранный цикл, да? И есть вещи, которые не делают, не делаются очень быстро, а если их пытаться делать очень быстро, то как бы издержки этого будут слишком велики.

В частности, вот если есть категории населения, которые пострадают, и это социально чувствительные категории населения, более того, есть еще моральный аспект, что это люди старшего поколения, которые, на самом деле, довольно сильно, может быть, сильнее всех пострадали в этот переходный период, то одна из идей состояла бы в том, чтобы минимизировать, как бы переходить как-то, применять новые условия к новым пенсионерам, вот как бы не к тем, кто был, они естественным образом уходят, а к новым. Но это требует некоего более длительного горизонта планирования, что, к сожалению, отсутствует в данном случае.

И второй момент связан с тем, что опять же вот как бы некий симптом этой спешки состоит в том, что федеральный центр, с одной стороны, есть благое пожелание разделить полномочия, но при этом как бы не предоставляя, во-первых, не прислушиваясь к мнению

регионов в процессе создания этих законов, в достаточной степени не прислушиваясь, и затем, не предоставляя им какие-то механизмы того, как они могли бы, не предлагаем эти механизмы, мы получаем, что, с одной стороны, мы сбросили на регионы и, казалось бы, это их проблема. Но мы видим, что это не их проблема, это проблема и федерального центра в целом.

И, кроме того, все это происходит на фоне, с одной стороны, неких иллюзий, с моей точки зрения, вот как бы власти о том, что что как бы происходит. И на фоне слабой обратной связи, когда, действительно, информирование власти о том, что же действительно, каковы предпочтения, там, населения разных подгрупп, возможность сообщить это власти достаточно ограничено. И некий положительный момент, связанный с этим выступлением состоит в том, что да, люди вышли и заявили о том, что их интересы нарушаются. В данном случае они с этим не согласны.

И несмотря на то, что возможно, ну, более мягкие: Ну, вернее, как? Если бы существовали более мягкие способы выражения донесения своих интересов до властей, то, наверное, они были бы использованы. Но в данном случае люди вышли и сказали: нет, мы не согласны с тем, что вы предлагаете. Они защищают свои интересы.

Когда я говорю про некие иллюзии властей, по крайней мере, определенной части, достаточно распространенное мнение о том, что есть спрос на патернализм населения.

Но вот на самом деле, почему защита своих интересов в том смысле, что у вас были определенные льготы, ну то есть как бы отрицательный налог, и вы пытаетесь защитить, когда у вас эти деньги изымают, почему это должно восприниматься как патернализм? Это защита ваших интересов. И некая иллюзия людей, принимающих решения относительно того, что да, вот мы позаботимся о населении, не беспокойтесь, мы вам обеспечим адекватную замену, как бы население показало, что мы сами можем принимать решения, и во многих вещах бываем не согласны. В этом смысле есть какой-то положительный эффект того, что произошло сейчас, и хотелось бы воспринять, что это как некий стимулирующий холодный душ для людей, принимающих решения, и они смогут как-то скорректировать свою политику.

Спасибо.

ВЕДУЩИЙ: Спасибо, уважаемые эксперты. Господа журналисты, есть ли у вас вопросы?

ВОПРОС: Есть ли цифры, которые были получены (...) социологического опроса?

ОВЧАРОВА: Я в самом начале сказала и еще раз скажу, что это мощный социологический, я не называю его социологическим, а социально-экономический, скорее всего, опрос 44 тысяч домашних хозяйств, в которых проживает 107 тысяч людей.

ВОПРОС: Вопрос, он такой достаточно частный. Я думаю, что одновременно к социологом и к специалистам по региональным бюджетам. Вот как вы считаете, следует ли ожидать вторую волну, так сказать, выступлений в мае, когда, так сказать, как ожидается, все поедут на дачи и, так сказать, снова столкнутся с отсутствием льгот? И насколько, так сказать, могут быть существенны новые, так сказать, выплаты, то есть увеличение как бы этих самых льготных выплат в рамках монетизации льгот? Спасибо.

КУРЛЯНДСКАЯ: Может, тогда отвечу с точки зрения бюджетной? Ну, мне кажется, что единственным, наверное, таким ресурсосберегающим решением для региональных органов власти, решением этих проблем, это будет действительно переход на вот так называемые страховые формы предоставления льгот. Это предоставление проездных билетов, льготных проездных билетов. Страховая схема в отношении лекарств

бесплатных, лекарств или вот этих схем, когда, если будут такие схемы разработаны, пусть они будут недоработаны. Все равно бюджет сможет дополнительно субсидировать и те же лекарства, и тот же тариф на пассажирский транспорт. Все это, ну, вроде как, знаете, это будет, так, хорошая мина при плохой игре. Вроде бы с виду будет казаться -- все-таки это монетизация льгот. На самом деле, это, в общем-то, не монетизация. Они берут ту сумму, которая так и так туда вот вбухивалась, в эти предприятия, делят на каждого и говоря, что вот столько-то и будет стоить этот льготный проездной билет. Без реальных расчетов.

Но, в общем-то, это как-то должно смягчить ситуацию. Сложнее с тем, что как? Если они будут выбирать, будут иметь право выбирать, а сельские, допустим, не будут покупать проездные билеты. Как вот это?.. Ну, это, нужно, значит, соответственно, как-то продумать и решить.

У регионов нет средств для того, чтобы реально дать одинаковые вот эти вот достаточные деньги всем, не нуждающимся, а всем, которые имеют право в соответствии с их законом. Они, естественно, не снижали категории граждан, которые могут получать эти льготы. Денег у них... То, что помогает федеральный центр, вот только по Закону о ветеранах -- ветераны труда и труженики тыла -- помощь федеральная составляет 12 процентов от всего объема расходов региональных бюджетов на вот эти... вообще на эти льготы в такой денежной, натуральной форме.

Безусловно, по регионам это очень по-разному. Одним это, может быть, там, дали более существенную помощь, другим -- менее существенную помощь. Опять же, здесь возникает проблема прозрачности этих межбюджетных потоков. К сожалению, все это становится все более -- опять же, кто поплачется громче, тот получит и т.д. В общем-то, к сожалению, вот эти передовые методы бюджетной политики, они идут насмарку.

МАЛЕВА: Да, я хотела бы обратить внимание на следующее. Я думаю, что, опираясь на те механизмы, о которых говорила Галина, ни одно, даже самое легкомысленное, правительство дважды не вступит в одну и ту же реку. И сегодня мы говорим о тех сигналах, которые мы не могли не услышать. Те социальные группы, которые беспокоятся об этом, они нам дали ясно понять, и я полагаю, что будут предприняты все возможные, а может быть, даже невозможные меры, вплоть до, действительно, обращения к Стабилизационному фонду для того, чтобы не допустить повтора именно этой ситуации.

Меня, как специалиста, и как экономиста, и как специалиста по социальным вопросам волнует другое: как будет реализован закон в отношении тех, чей голос мы не услышали и, возможно, не услышим. Значит, меня волнуют решения, которые будут приняты по поводу реформирования заработной платы в бюджетном секторе экономики. Пока нет ни малейшей ясности, как это будет сделано. Меня волнует то, что закон дал совершенно ясную и четкую технологию социального поведения: он стимулирует людей при любых обстоятельствах оформлять свою инвалидность.

Мы только что пережили первый виток не очень давно, после принятия Закона 1995 года об инвалидах, мы пережили уже один виток инвалидизации, когда менее чем за 10 лет численность инвалидов в России удвоилась и достигла 7 процентов населения. Сейчас, по нашим оценкам, в ближайшее время от 10 процентов мы вырастим вот численность инвалидов до 13 процентов. Это четкая технология, поскольку социальная, так сказать, социальная поддержка в рамках этого закона инвалидов является федеральной ответственностью, соответственно, в данной ситуации это более надежный финансовый агент, как будет рассуждать население. Поэтому никакими мерами нам не удастся сдерживать инвалидизацию населения.

Ну, и, наконец, меня волнует вопрос, как, что будет происходить с теми категориями, которые действительно потеряют, но пока не заявили о своих притязаниях и о своих ущемлениях. А больше всего потеряли, больше всего меньше, точнее, меньше всего имели от системы льгот -- это семьи с детьми.

И решительно не понятно, что будет происходить с льготами, адресованными детским категориям, так сказать, населения...

ОВЧАРОВА: Школьникам.

МАЛЕВА: Школьникам и так далее. Вот сейчас школьники не перекрыли дороги. И что? О чем мы говорим? Мы говорим о пенсионерах, мы говорим об инвалидах, но самые бедные в нашей стране, Лилия Николаевна, наверное, расскажет, это у нас дети. И больше всего проблем у нас связано с социальной поддержкой детей. Вот вряд ли они выйдут перекрывать улицы и вряд ли в таком случае от них поступит столь ясный сигнал, что правительство в своей оперативной текущей деятельности обязано предусмотреть максимально мягкие механизмы решения этой проблемы. Лилия Николаевна, наверное, добавит.

ОВЧАРОВА: Ну, я только коротко хочу сказать, что вот если опять же возвращаться к контексту, значит, выигравших и проигравших, то общая ситуация в двух словах выглядит так, что выиграла больше более обеспеченные слои населения, а проиграла необеспеченные слои населения.

Вот если всех разделить на бедных и небедных, то ситуация выглядит так. Вот если мы берем бедные слои населения, то выиграла 5,6 процентов, а проиграла 10,5 процентов. А если мы берем небедное население, то выиграла 13,5 процентов, а проиграла 9 процентов. Поэтому вот в принципе система льгот сама по себе в большей степени работала на поддержку не самых бедных слоев населения, а те модернизационные процессы, которые мы в нее внедрили, они привели еще к большей концентрации ресурсов, выделяемых на социальную поддержку, больших направленностей на небедные слои населения.

Поэтому вот как бы могут ли бедные заявить о, скажем так, вот об ухудшении своего положения -- этот вопрос зависит не только от экономической компоненты этого вопроса, но и, конечно, социально- политической, поскольку если найдутся силы, которые смогут их организовать на этот протест, то основания экономические для этого протеста у них есть.

ВОПРОС: Японская газета "Никкей". Г-же Курляндской несколько вопросов, если можно, вот по вашему выступлению. Вы говорили о том, что при старой системе местные предприятия, которые обеспечивали льготы, выставляли счета бюджету. Каким бюджетам они выставляли счета?

КУРЛЯНДСКАЯ: Соответственно. Там, муниципальные унитарные предприятия -- муниципальным бюджетам. Государственные унитарные региональные предприятия -- региональным. Ну, в зависимости от...

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): Скажите, пожалуйста, следующий вопрос по этой же части. Вы говорили, что они выставляли счета бюджетам, а бюджеты их покрывали, да? В каком объеме они их покрывали? Мы все время говорим о том, что эти, так сказать, льготы не оплачиваются полностью. То есть каким образом принималось решение, какому предприятию, какому...

КУРЛЯНДСКАЯ: Понимаете, проследить это, ну, как, то есть в процессе там переговоров или кулуарным образом, как... Там, никаких открытых процедур там нет. Мало того, по

идее, если такое предприятие, там, получает прибыль, оно должно перечислять в бюджет, но фактически этого не делалось. А в отличие от западной системы учета бюджетных учреждений, это все не в бюджете.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): Можно так понимать, что вот процесс компенсаций со стороны бюджета предприятия, обеспечивавшего мне льготы, происходил, собственно, исходя из возможностей тех или иных предприятий (:)?

КУРЛЯНДСКАЯ: Да. И возможностей бюджета. Какие-то бюджеты давали с лихвой, какие-то оставляли огромную кредиторскую задолженность, которая, кстати, тоже не была учтена при учете объема финансирования этих натуральных льгот, вот, допустим, в 2004 году. Кредиторка осталась, никто не вынуждал ее как бы прибавить к средствам, которые необходимы для производства этих услуг.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): И еще по одному моменту. Вот по нынешнему закону, в федеральном бюджете, как вы сказали, было заложено софинансирование для регионов, которые проведут монетизацию. В каком объеме?

КУРЛЯНДСКАЯ: Порядка вот, вроде бы 15 миллиардов вот сейчас, на первые полгода. Но вот в объеме, я сказала, который вот достаточно, примерно 10-12 процентов от потребности.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): 12 процентов (...), которые теперь пошли. Это по закону (...).

КУРЛЯНДСКАЯ: Что значит -- пошли? Нет, сейчас пока ничего не пошло. И никто не собирается. Подождите, вот здесь вот Евсей Томович тоже говорил, у федерального бюджета там достаточно, он вольет. Он вольет в своих льготников.

МАЛЕВА: А есть еще региональные.

КУРЛЯНДСКАЯ: А есть еще региональные. И там им пока никто ничего дополнительно не обещал.

ВОПРОС: Кроме льготного проездного, который...

КУРЛЯНДСКАЯ: Да, нет. Все за счет региональных бюджетов. Все за счет региональных бюджетов.

МАЛЕВА: Никаких дополнительных...

КУРЛЯНДСКАЯ: Нет, понимаете. Федеральные льготники живут в регионах.

ОВЧАРОВА: Вчера заявили о том, что 30 процентов, если регионы не будут повышать цены на оплату транспортных услуг, то федеральный бюджет компенсирует 30 процентов стоимости...

КУРЛЯНДСКАЯ: Так это федеральным льготникам-то, которые едут на региональном транспорте.

МАЛЕВА: Федеральным, федеральным...

КУРЛЯНДСКАЯ: Да. Это федеральным льготникам.

ОВЧАРОВА: Понимаешь, у нас получилось: есть федеральные льготники, есть региональные льготники. Есть федеральный бюджет, есть региональный бюджет.

КУРЛЯНДСКАЯ: Грубо говоря, репрессированные и реабилитированные. То есть репрессированные члены семьи, реабилитированные, теперь у нас стали региональными льготниками. Совершенно непонятно, почему. И вот они, значит, их проездные билеты должны покупаться из регионального бюджета. То есть они могут, во-первых, остаться с этим...

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): (:)

ОВЧАРОВА: Подождите, посмотрите ситуацию. В Санкт-Петербурге инвалид второй группы получил компенсацию от федерального бюджета 550 рублей. А проездной стоит 600 рублей. Значит, ему теперь нужно доплатить, кто-то должен эту сумму доплатить. Поэтому если я правильно понимаю, то Минфин обещает доплатить за своих федеральных льготников.

МАЛЕВА: Да, за своих федеральных льготников, которые попадают в региональную систему отношений.

ОВЧАРОВА: Да, для которых оказалась федеральная компенсация меньше, чем затраты на (...) льготы.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): Они даже не смогли обеспечить своих...

ОВЧАРОВА: Да, они даже своих не смогли...

КУРЛЯНДСКАЯ: Потому что в законе, вот притом, что у нас стоимость жизни в самом дешевом и дорогом субъекте где-то порядка 20 раз что ли различается, а все эти вот компенсации одинаковые были в законе. Без вот этой региональной индексации.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): Можно вот еще уточнить? А вот по поводу компенсации я правильно понимаю, что компенсация -- это вот собственно то, что федеральный центр выдает федеральным льготникам? Это и есть та сумма компенсации, которую мы все время обсуждаем?

КУРЛЯНДСКАЯ: А региональный бюджет -- региональным льготникам.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): Это и есть форма монетизации. Как вы там регионы разберетесь, это не моя проблема, да?

МАЛЕВА: Это было заложено в законе.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): (...) про которую вы говорите?

КУРЛЯНДСКАЯ: Федеральный центр направляет, вообще говоря, финансовую помощь в регионы, бедным регионам или на какой-то другой основе. Вот есть один фонд выравнивания бюджетной обеспеченности, там дают только бедным. А это они, такой фонд софинансирования, из которого дается тем, кто тратит свои деньги на что-то, на какую-то цель. Вот если они тратят, переводят на монетизацию, они говорят, мы вам доплатим. Ну вот общая сумма таких доплат составляет 12 процентов от тех средств, которые они сами вот на это выделили.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): Которые регионы должны на монетизацию... ?

КУРЛЯНДСКАЯ: Должны, да. Направили на монетизацию.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): А еще можно вопрос? А правда ли, что регионы, правда ли что регионам выгоднее сохранить натуральные льготы, чем?..

КУРЛЯНДСКАЯ: Конечно. Ну вот я объяснила. Почему? Потому что монетизировать нужно всем, кто по закону имеет право на эти льготы. А имеют право как городские, так и сельские жители, которые не имеют ни телефона, ни горячей воды. Они, значит, должны давать деньги всем, причем на таком уровне, чтобы городским жителям хватило на приобретение этих услуг. Это значит в два раза больше как минимум, чем они тратили до сих пор на вот натуральные льготы. Вот хотя бы вот так, самое простое.

ОВЧАРОВА: Натуральная льгота: сколько ты ее потребил, столько ее оплатили.

КУРЛЯНДСКАЯ: Или не оплатили опять же.

ОВЧАРОВА: Или не оплатили.

МАЛЕВА: В любом случае, при отказе от монетизации вполне возможно сквозь пальцы смотреть на проблему нефинансируемых мандатов. Вот вы не платили или не предоставляли эти льготы, вот отказ от натуральной означает поддержание системы статус-кво: кто-то получал, кто-то не получал, но это значит не ухудшение положения региона. Вот не ухудшение его положения.

ВОПРОС: Позавчера было заседание Правительства Москвы. Лужков там назвал одним из основных городских приоритетов монетизацию льгот в Москве. Вот как, по-вашему, здесь будет развиваться это?

КУРЛЯНДСКАЯ: Москва -- очень такая, сложная система. Мы с ней никогда не работали. У них очень непрозрачный бюджет. Развиваться может как угодно. И у Москвы очень много денег, причем не только в бюджете, а по всяким другим карманам. Поэтому, ну, и они могут вполне и время, и привлечь силы и научные, и экспертные, чтобы действительно нормально разработать.

ОВЧАРОВА: Ну, и провести (:)пилотный период для того, чтобы...

КУРЛЯНДСКАЯ: Нет, хорошо, что они уже договорились вот с Московской областью. В общем-то, это пример того, как регионы могут, между прочим, рационально вести себя и без указки федерального центра.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): Ну, по поводу городского приоритета (...)?

КУРЛЯНДСКАЯ: Ну, Лужков же тоже хочет остаться губернатором.

ВЕДУЩИЙ: Уважаемые журналисты, и -- последний вопрос. Пожалуйста.

ВОПРОС: Я хотел просто обратить ваше внимание на ситуацию. Практически мы сейчас наблюдаем картину, когда с помощью социального протеста удалось заставить центр федеральный идти на дополнительные расходы, бюджетные расходы. Создается достаточно, как мне кажется, опасный прецедент. Не опасаетесь ли вы того, что и впредь вот все наши финансовые проблемы, связанные с льготными категориями, с другими категориями, не знаю, будут решаться именно таким вот как бы силовым образом? И нет ли здесь опасности как бы коллапса экономики в связи с тем, что если будут постоянно везде перекрываться магистрали, там еще что-то, еще что-то, то просто-напросто все мечты об экономическом росте, они будут еще, еще, еще больше сходить на нет? Вот вы видите опасность политическую в этом плане? Ну, или политико-экономическую? Вот именно в этих методах решения вопроса?

ВЕДУЩИЙ: Игорь Петров, Агентство финансовой информации.

ГУРВИЧ: Мне кажется, что правительство все-таки способно обучаться, и оно, я думаю, что не будет больше таких опасных принимать мер, как эта. Мне видится опасность не в том, что будет вновь и вновь возникать какая-то общественная дестабилизация, а мне видится более реальная опасность, что в следующий раз правительство вообще не будет проводить непопулярных реформ.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): В первую очередь реформу ЖКХ или реформу здравоохранения, образования?..

ГУРВИЧ: Я думаю, что у нас еще много непопулярных реформ, которые предстоит... В том числе все, что вы назвали.

ВОПРОС (ПРОДОЛЖЕНИЕ): А про реформы, можно еще уточнить? Вот муниципальная реформа 2006 года, вот не возникает ли для нее там тоже перераспределения расходных и доходных источников и полномочий регионов и муниципальной власти? Не возникает ли угроза для:

ГУРВИЧ: Ну, думаю, что такого, как здесь, нет. То есть проблемы, я думаю, будут все-таки внутри государственной финансовой системы. Не выплеснутся на улицу.

ВЕДУЩИЙ: Уважаемые эксперты, большое спасибо. Дорогие журналисты, благодарю за интересные вопросы. Спасибо. До свидания.